

ЧЕХОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

“Что на свете может быть важнее любви?” — говаривала отравительница Гееше Готфрид из Бремена, которой в начале XIX века отрубили голову. Спектакль, поставленный на основе истории ее жизни и привезенный на Чеховский фестиваль Штутгартским драматическим театром, — это еще одно доказательство того, что в мире легко могут соседствовать красота и омерзительное уродство. А жажда любви иногда превращается в привычку убивать.

НА УЗИ НЕМЦЫ ПОКАЗАЛИ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Массовое убийство на Чеховском фестивале

Первое, что является зрительскому взору, — мужские гениталии, а потом из-за полупрозрачной загородки появляется и их хозяин — отвратительный здоровенный мужик в белой майке. Он садится на пустой ящик из-под водки, предоставив зрителям удовольствие обозревать свое достоинство, и начинает орать: “Кофе! Шнапс!” Супруга беспрекословно исполняет любую прихоть мужа. В постановке режиссера Жаклин Корнмюллер Гееше Готфрид (замечательная работа немецкой актрисы Геди Кригескотте) не злодейка-убийца, а жалкая, уставшая, измотанная женщина, которая не находит другого способа бороться с реальностью. Ну, действительно, кто же выдержит ежедневные пьяные дебоши муженька, который только и знает, что ходить по дому без штанов, почесывая живот, и разглагольствовать о “дурных болезнях” из местного публичного дома. И походя, от нечего делать, издеваться над женой и орать на беспрерывно плачущего ребенка. Гееше, дрожа от страха и, как это ни странно, изнывая от любви и желания, подкладывает яд в мужнин стакан с водкой. А потом, плача, словно раненый зверь, мечется вокруг умирающего.

И пошло-поехало. Вслед за ним к праотцам отправляются все родственники Гееше, причем каждому убийству в воспаленном мозгу героини находится вполне логичное объяснение. Например, мать она отравила,

потому что знала, как ту расстраивает ее внебрачная связь, любовника — потому что хотела, чтобы он признал ее ребенка; детей — слишком громко плакали, отца — хотел выдать ее замуж бог знает за кого, а брата — за то, что тот хотел завладеть семейной фирмой. Однако режиссер Корнмюллер, показав цепочку зверств, художественными средствами убеждает: все это не что иное, как извращенная победа разума над чувствами.

Спектакль производит мрачное впечатление. На светлых подмостках, спускающихся прямо к ногам зрителей, — пустота. Из декораций — стол и склянки с какой-то жидкостью. Цвет задника меняется от едкого зеленого до кровавого. На двух полупрозрачных выгородках время от времени появляется черно-белое изображение обнаженной мертвой женщины, а на заднике — проекция УЗИ, на которой долго бьется, а потом останавливается сердце так и не родившегося ребенка. Сердце Гееше остановилось на эшафоте. Но она приняла смерть как благо. Она ждала ее и молилась о ней.